З-36 У-Р 187/—

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени А. М. ГОРЬКОГО

А. А. ЗАРУДНЯК

ПРИГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УКРАИНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIV — XVII вв.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Научный руководитель — кандидат филологических наук доцент А. А. Москаленко.

Киев — 1959

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова
100313081

Управление как способ синтаксической связи в языке украинской народности вполне заслуживает быть предметом самостоятельного изучения. К сожалению, в обильной отечественной лингвистической литературе, посвященной изучению управления, вопрос об управлении в языке украинской народности обойден.

Между тем, развитие языка украинской народности, припадающее на период XIV—XVII вв., совершалось в исключительно трудной для украинского населения обстановке. На протяжении почти всего этого времени польские колонизаторы вместе с жестокой эксплуатацией проводили и активную языковую ассимиляторскую политику. Только в упорной борьбе, завершившейся воссоединением с братским русским народом, украинский народ отстоял свою независимость, а вместе с ней и свой язык. Небезынтересно поэтому установить, насколько прочно новый зарождающийся язык противостоял чуждым ему элементам.

С другой стороны, знание истории языка помогает лучше понять законы развития современного нам языка, ибо «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки» [1].

Изучение истории управления — чрезвычайно широкого и многообразного раздела синтаксиса, включающего в себя множество различных конструкций, — в значительной степени поможет решению многих лингвистических задач современного украинского языкознания.

Автор диссертации попытался частично восполнить существующий пробел исследованием наиболее распространенной разновидности управления — приглагольного управления периода XIV—XVII вв. Решение всех проблем по изучению приглагольного управления в языке украинской народности, бесспорно, не под силу

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, М. 1950, стр. 303.

одному исследователю. Поэтому мы ограничились попыткой описать, систематизировать и по мере возможности проанализировать наиболее распространенные приглагольные конструкции, зафиксированные в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв.

Источниками исследования послужили грамоты XIV—XV вв., изданные В. Розовым, судебные акты, купчие и дарчие документы XVI—XVII вв., универсалы Богдана Хмельницкого и других украинских военачальников XVII в. Выбор именно этих письменных документов в качестве источников исследования подсказывался тем, что в них, несмотря на известное наслоение стандартной книжности, старославянизмов и полонизмов, наиболее точно отражена общенародная украинская речь периода XIV—XVII вв.

Цель исследования:

1. Описать наиболее распространенные в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. приглагольные конструкции, построенные по способу управления.

2. Установить особенности управления в исследуемых памятниках путем выяснения общих и отличительных черт по отношению к древнерусскому языку, с одной стороны, и к современному украинскому литературному языку, с другой стороны.

3. Проследить пути развития и усовершенствования управления как одного из важнейших элементов грамматического строя украинского языка.

В диссертации приглагольные конструкции периода XIV—XVII вв. рассматриваются в сравнении с конструкциями в древнерусском, в русском языке того времени и в современном украинском языке (литературном и в диалектной речи). Для сравнения использованы данные древнерусских памятников («Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве»), исследования С. П. Обнорского («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», изд. АН СССР, М-Л 1946 г.), В. И. Борковского («Синтаксис древнерусских грамот». Львов, 1949 г.), исследования Е. К. Тимченко и др.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении обоснован выбор темы, изложены задачи и метод исследования, указаны источники исследования.

В **первой** главе дан обзор важнейших работ русских и украинских языковедов, касающихся проблемы управления. Обзор начинается с грамматики М. Смотрицкого и заканчивается новейшими работами советских лингвистов.

В грамматике М. Смотрицкого имеет место описание некоторых приглагольных беспредложных и предложных словосочетаний, образованных по способу управления. Но, построенная на мертвом старославянском языке с окаменелыми конструкциями, она не могла служить надежной базой для изучения живых, пребывающих в постоянной динамике словосочетаний восточнославянских языков. Поэтому началом глубокого и всестороннего изучения управления в живом русском и украинском языке следует считать учение М. В. Ломоносова «о сочинении частей слова», хотя М. В. Ломоносов и не выделял управления в отдельный тип подчинительной связи.

Деление подчинительной связи на **управление** и **согласование** впервые было осуществлено А. А. Барсовым. Он же впервые употребил и соответствующие термины. Неполнота такой дифференциации была очевидна уже для лингвистов первой половины XIX в. Так, Н. Греч отличал «отдельные правила словосочетания, которые не принадлежат к двум первым» [1], Ф. И. Буслаев говорил о членах предложения, которые «не управляются и не согласуются» [2] и т. д. Но деление А. А. Барсова прочно вошло в употребление, и только в начале XX в. М. А. Пешковский выделяет примыкание, а в последнее время Л. А. Булаховским выделено еще и тяготение.

Структурное и семантическое разнообразие словосочетаний, строящихся по способу управления, со времени М. В. Ломоносова становится предметом углубленного изучения. Уже М. В. Ломоносов и А. А. Барсов, а позже Н. Греч, Ф. И. Буслаев и др. наблюдают в управлении особо важную роль семантики господствующего слова, подчеркивая, что падеж управляемого слова и значение конструкции в целом зависит от значения управляющего слова. Детальному анализу подвергаются значения отдельных падежей, изучается роль порядка слов и т. д. А. Х. Востоков осуществляет деление управления на **непосредственное** и с **помощью предлогов.** Такое деление только с некоторым изменением в терминологии существует и в настоящее время.

Вместе с тем лингвисты первой половины XIX в. начинают различать неодинаковую степень зависимости. Указание на различную силу зависимости ярко выражено уже в трудах Н. Греча, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др. Используя богатый языковый

---

[1] Н. Греч, Практическая русская грамматика, Изд. 2-е СПБ, 1834 г., стр. 234.

[2] Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, Изд. 5-е, М., 1881, стр. 26.

материал и развивая дальше мысль о неодинаковой силе зависимости, А. М. Пешковский осуществляет деление управления на **сильное** и **слабое.** Деление А. М. Пешковского было воспринято нашим языкознанием, но в последнее время подверглось критике со стороны В. В. Виноградова. Не возражая против существования сильной и слабой зависимости между словами в предложении, В. В. Виноградов считает, что термин «слабое управление» неопределенный и представляет собой «маловыразительную метафору», которой обозначаются всевозможные сочетания слов, включая и свободные сочетания, требующие специального изучения для установления типических особенностей определенных групп сочетаний.

На учении о словосочетании и подчинительной связи в словосочетаниях в значительной степени отразились концепции различных направлений в нашем языкознании. Логико-грамматическая концепция, развившаяся на базе впервые примененных А. А. Барсовым элементов формальной логики в грамматике, которые помогли ему лучше разобраться в синтаксических правилах словосочетания, сказалась на изучении управления в том, что представители ее (Н. Греч, И. Давыдов, Ф. Буслаев) отождествляли типы подчинительной связи с членами предложения, в частности — управление с дополнением. Отказ некоторых языковедов первой половины XIX в. (И. Могильницкий, А. Х. Востоков) от логико-грамматической концепции свидетельствует об очевидной уже для того времени несостоятельности логической точки зрения на грамматику. Концепция Н. Греча и Ф. И. Буслаева подверглась критике со стороны представителей таких трех крупных направлений в отечественном языкознании, как психологическое (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский), формалистическое (Ф. Ф. Фортунатов, М. Петерсон), логико-психологическое (А. А. Шахматов). Но представители этих трех направлений, стоящие на противоположных точках зрения, не пришли каждый в отдельности к окончательному решению проблемы словосочетаний и подчинительной связи, а попытка А. М. Пешковского объединить психологическую и формалистическую концепцию в нечто целое не дала положительных результатов. Только советское языкознание, вооруженное марксистско-ленинской методологией, в состоянии правильно решить вопрос о словосочетании и подчинительной связи в словосочетании. Попытки к этому мы и встречаем в трудах В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, В. П. Сухотина и др.

Вторая и **третья** главы посвящены описанию и анализу приглагольного управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. Для более удобного исследования фактиче-

ский материал распределяется в порядке расположения падежей, принятом в современном украинском языкознании, описание каждого падежа составляет отдельный параграф, внутри которого в свою очередь словосочетания группируются по признаку выражаемых ими значений.

Во второй главе исследуется беспредложное приглагольное управление.

Наиболее полисемантичным в беспредложных конструкциях оказался родительный падеж. Родительным беспредложным могли выражаться самые разнообразные отношения. Сравнение с современным украинским литературным языком свидетельствует о значительной устойчивости конструкций с родительным падежом. Однако в процессе развития украинского языка наблюдаются некоторые изменения и в глагольных словосочетаниях с существительным в родительном падеже. Это позволяет говорить о некоторых отличиях грамматического строя языка украинской народности от современного украинского литературного языка.

1. В исследуемых памятниках значительно шире, чем в современном украинском языке, родительный падеж без предлога употреблялся для выражения косвенного объекта. Особенно распространены такие словосочетания в памятниках XVII вв. Напр.: **здоровья вашего наведилъ.** Л. М., т. I, 47, **того вола питавъ чоловѣкъ.** АП, т. II, 78; **коня буду нагорожати.** АП, т. I, 130 (в знач. довідався про здоров'я, питав про вола, нагорожати за коня). Словосочетаниями такого типа, в частности в тех случаях, когда управляемым было одушевленное существительное, уже в тот период создавалась двусмысленность, сравн.: Теды **питалисмо Лихолапа... чи приймеш еѣ собѣ за жону** АБ, 106 (прямой объект) и — **невѣдомо для чого товару и господара пытал** АП, т. 1, 78 (косвенный объект). Потребность в точном изложении мысли в дальнейшем обусловила употребление предложных конструкций для выражения косвенного объекта. Причем сопоставление с диалектной речью, в которой еще сохранились беспредложные конструкции, показывает, что процесс усовершенствования грамматического строя украинского языка в этой части синтаксиса длительный и постепенный.

2. Выражение временных отношений в исследуемых памятниках ограничено, главным образом, трафаретными штампами, используемыми для датирования документов. Управляющими словами в таких словосочетаниях употреблялись краткие пассивные причастия **писанъ** и **данъ: писанъ... семои тысѧчи девѧ(т) со (т) чѣтырдесѧтого лѣта...** Роз. 47. Предложения с такими конструкциями были личными с пассивным оборотом речи. Но, начиная со

второй половины XVI в., наблюдаются изменения в структуре словосочетаний — они выражаются в форме безличного предложения.

Значительный интерес представляет древнее шаблонное словосочетание существительного ЛѢТО в родительном падеже и согласуемого с ним указательного местоимения **тъ, та, то́ — того лѣта.** Употребляясь вначале только в таком ограниченном лексическом составе в историческом повествовании словосочетание типа **того лѣта** в украинском языке прочно входит в обиход, причем лексический состав словосочетаний пополняется другими существительными с временным значением: **час, день, неділя** и т. д., а рядом с указательным местоимением **тъ, та, то** уже в памятниках встречаются причастия, прилагательные и порядковые числительные: **году тепер идучого, року и дня выш писаного, третей недѣлѣ** и т. д. Словосочетания типа **того лѣта** стало общепризнанной нормой украинского национального языка. В русском языке, наоборот, оно не получило распространения и отмерло в зачаточной стадии. Это свидетельствует о специфике развития русского и украинского языка.

3. В исследуемых памятниках наблюдается нечеткая дифференциация родительного и винительного падежей в словосочетаниях, выражающих объектные отношения. Параллельное употребление родительного и винительного наблюдается в двух направлениях: а) вместо винительного падежа в существительных О — основы, обозначающих неодушевленные предметы, употребляется родительный падеж: **имають... того исного города боронити.** Роз. 19; б) вместо винительного падежа употребляется родительный в существительных А — основы: **сталы-смо по травѣ тоей фляши шукат.** АП, т. I, 158. Однако уже в языке украинской народности наблюдается значительное влияние развития семантической категории одушевленности и неодушевленности в именах существительных на различение форм падежей. Все же этот процесс не завершен окончательно и в современном украинском языке (**читати лист** и **читати листа**).

4. Относительно родительного удаления в диссертации отмечено, что им управляло небольшое количество глаголов со значением удаления, лишения, отречения и под. Но несмотря на лексическое ограничение управляющих глаголов, словосочетания этого типа в исследуемых памятниках встречаются довольно часто и вошли в обиход украинского национального языка. Вместе с тем отмечаются и некоторые особенности в структуре словосочетаний со значением удаления, употреблявшихся в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. Особенности эти заключаются в употреблении беспредложных конструкций, в которых

префиксальный глагол с приставкой от управлял родительным падежом. Употребление беспредложных конструкций зафиксировано в словосочетаниях, обозначающих активное удаление, т. е. в тех случаях, когда сам субъект удаляется от объекта: тогда мы **...хочемы его отстати и ѥго дѣтей.** Роз. 20, **сам жалобы своей отступилъ.** Л. М., т. I, 32).

В диссертации отмечается незначительная разветвленность системы функций дательного падежа в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. Дательным падежом по существу выражались два типа отношений: объектные отношения и отношения принадлежности. Словосочетания, выражающие объектные отношения, отличаются разнообразной структурой и чрезвычайной устойчивостью: они наименьше поддавались изменению, учитывая при этом и степень их распространения, обусловленного изменениями в словарном составе украинского языка.

Деловой характер памятников обусловил широкое употребление инфинитивных предложений с дательным лица, которые придают выражению значительной экспрессивности. Чаще всего инфинитивные предложения с дательным лица употреблялись в грамотах XIV—XV вв., носящих характер исключительно дарчих, купчих и договорных документов, в которых необходимо было наиболее категорически выразить права и обязанности юридического лица. Напр.: **а кнѦзю Дмитрию помогати на всѦкого непріѦтелѦ.** Раз. 7; **болото волчиское попоу косити до границѣ.** Роз. 77. Значительно реже, в виде трафаретных формул, дательный лица в инфинитивных предложениях зафиксирован в памятниках XVI—XVII вв. Это объясняется, главным образом, жанровым разнообразием документов и развитием в украинском языке иных средств выражения долженствования или необходимости (интонация, модальные частицы и проч.). В украинском национальном языке дательный лица сохранился, употребляясь в такой же функции (в приказах, постановлениях, резолюциях).

При некоторых отвлеченных глаголах в исследуемых памятниках наблюдается употребление дательного в качестве прямого объекта: **судить нам бъ и честный кр (с) тъ.** Роз. 15; **там, ижъ ему здолати не могли, людей побили.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 30. Употребление таких словосочетаний только в единичных случаях свидетельствует о том, что выражение прямого объекта дательным падежом находилось на грани отмирания.

Беспредложные конструкции при глаголах движения типа **ити Кыѣву** и дательный самостоятельный для исследуемых памятников несвойственны. Только в нескольких случаях, очевидно, под

влиянием книжной традиции, еще в документах XVII в. зафиксированы остатки дательного самостоятельного.

В диссертации отмечается, что широко употребляемый в древнерусском языке дательный принадлежности остался не менее употребительным и в языке украинской народности. Напр.: **ему побралъ па(н) татомирь вепрѣ.** Раз. 45; **выкралъ мнѣ Кудра жону мою.** АП, т. I, 200. **Миколаеви хата згорела.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 68. Но, будучи слабо связан с глаголом, дательный принадлежности до некоторой степени тяготеет к существительному и этим создается некоторая двусмысленность. Словосочетание **выкралъ мнѣ жону мою** понималось и как **выкрав у мене (мою) жону** и как **выкрав для мене жону.** Поэтому стремление к избежанию полисемантичности и к ясности выражения обуславливает в процессе развития украинского языка замену дательного принадлежности родительным падежом с предлогом или притяжательным прилагательным и местоимением, согласованным с определяемым словом — **у Миколая хата згоріла, Миколаєва хата згоріла.**

По отношению винительного беспредложного, употребляемого в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. в диссертации сделаны такие общие выводы:

а) Винительный падеж характеризуется сравнительно незначительной разветвленностью отношений: им выражались объектные, результативные и количественные отношения. Последние в свою очередь подразделяются на собственно-количественные и количественно-временные. Количественно-пространственный падеж (типа проехать версту) в исследуемых памятниках не встретился, но это не означает, что он был несвойственный языку украинской народности.

б) Функции винительного падежа и структура словосочетаний с существительными в винительном падеже в основном сохранились такими же и в современном украинском литературном языке. Но наряду с этим имеют место и некоторые отличия от современного украинского литературного языка, являющиеся следствием развития грамматического строя языка.

Продолжая исследование смешения форм родительного и винительного падежей О — основы в части, касающейся винительного падежа, мы обнаружили единичные факты употребления винительного падежа одушевленных существительных (включая и предложные формы) еще в памятниках XVII в.: **даль ѥму село... а шисть кобыль и стада а жеребець...** Роз. 28 (XIV в.), **который на живой бог волал и просилсе.** Воссоед., т. I, 80 (XVII в.). В русском же языке, за свидетельством В. И. Борковского, формы винительного падежа одушевленных существительных вышли из

употребления уже в XIV в. Значительно медленнее процесс дифференциации форм осуществлялся во множественном числе. Однако в памятниках второй половины XVII в., на грани языка украинской народности и украинского национального языка, наблюдается довольно интенсивное вытеснение форм винительного падежа. Но, по сравнению с русским языком, процесс вытеснения винительного падежа в украинском языке протекал значительно медленнее и по существу не завершился и до настоящего времени. Особенно ярко смешение форм падежей проявляется в народной песне: **«Маю жінку, маю діти, та я їх не бачу». Н. п., «Випрягайте, хлопці, коні та лягайте спочивать». Н. п.** Это навело Житецкого на мысль, что в народных песнях и в книжной украинской речи XVII в. заметно стремление **сохранить** старинный винительный падеж в именах одушевленных [1].

Мы считаем, что мнение Житецкого не соответствует фактам. И в книжной речи XVII в. точно так же, как и в разговорной и песенной речи все время существует стремление к унификации форм выражения. Дело лишь в том, что сам процесс этот довольно длительный, к тому же в песне дольше сохраняются архаические традиции. Да и в настоящее время в украинском литературном языке встречаются параллельные формы **напоїти коні** и **напоїти коней.**

В отличие от современного украинского языка в исследуемых памятниках фиксируется употребление беспредложного винительного падежа при выражении косвенного объекта. Напр.: **оповѣдал продажу; слышачи здоровье ваше;** и т. д. Чаще всего отсутствие предлога наблюдается при глаголах речи, восприятия, внутреннего ощущения и при некоторых префиксальных глаголах физического действия: **опановалъ** Смоленскъ, **оселъ столецъ.** В процессе исторического развития украинского языка изменилось лексико-грамматическое значение некоторых глаголов, вследствие чего произошли изменения и в управлении.

Одной из специфических черт управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. является употребление глагольных словосочетаний с винительным объекта при отрицании: **а его дѣдичьство собѣ узѦти не оусхочеть.** Роз. 3; **сокиру у маѣ не украв.** АП, т. I, 32. Винительный объекта при отрицании фиксируется уже в незначительном количестве в древнерусских памятниках. Еще реже он употреблялся в украинских памятниках. Сравнение с фактами русского языка того периода показывает, что процесс замены винительного падежа при отрицании родительным в украинском языке шел медленнее, чем в русском, причем в

[1] Житецкий, Очеркъ литературной истории малорусского нарѣчія въ XVII вѣкѣ. К., 1889, стр. 64.

разговорной и песенной украинской речи винительный при отрицании употребляется и в настоящее время.

В документах XVI—XVII вв. зафиксировано употребление второго винительного в предикативной функции: **кого** мы к тебе пошлемъ своихъ пословъ Л. М., т. II, 18; въ томъ ще виных знашелъ. Арх. ЮЗР, ч. III, т. 1, 55. Довольно ограниченное употребление и наслоение объектного оттенка свидетельствует о почти полном отмирании второго винительного в предикативной функции уже в языке украинской народности и замене его творительным предикативным падежом.

Творительный падеж без предлога в исследуемых памятниках характеризуется большой полисемантичностью функций. Основная функция творительного падежа — выражение инструментальности. В диссертации указывается на два оттенка творительного инструментального:

а) оттенок активного действия со стороны предмета **(повинуюсѧ служьбою, потверживаемъ листомъ).** Грамматическая форма и содержание в данном случае совпадают;

б) оттенок объекта **(заплатимы грошми, заменил сѧ селы).** Грамматическая форма и содержание не совпадают.

Творительный падеж со значением собственно инструментальности типа **а оу ставу радивоунъковѣ ловити сѣтью ему добровулно** зафиксирован незначительным количеством примеров. Высокая степень грамматической отвлеченности обуславливала значительные наслоения на основное значение — инструментальность — и нивелировала его.

Как и в современном украинском языке, в исследуемых памятниках широко употреблялся творительный падеж действующего лица в пассивных оборотах речи типа **вѣдомо то было всѣми приятелми нашими, люди дорогою немалою змордованные** и т. п. Управляющим словом в таких словосочетаниях выступало причастие в пассивной форме. Но вместе с тем распространены были и словосочетания с управляющим глаголом действительного залога: **довелъ своихъ границъ и зыскалъ... старци объчими.** Роз. 45; **возными при той справе будучими тоє все осведчилъ.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 20. Словосочетания этого типа, бесспорно, близки по грамматическому значению к словосочетаниям с творительным инструментальным, но грамматически пассивное орудие по смыслу является производителем действия. Очевидно, несоответствие между грамматической формой и смысловым значением явилось причиной отмирания таких словосочетаний в современном украинском языке.

Наиболее распространенными оказались словосочетания с су-

ществительными в творительном падеже, выражавшие обстоятельственные отношения. Выполняя функции обстоятельства, творительный падеж часто подвергался адвербиализации. При этом степень адвербиализации была различная и во многом зависела от каждого конкретного случая. Наиболее явственно адвербиализация творительного падежа проявлялась в устойчивых трафаретных словосочетаниях **(оповедав тыми словы, приточилас справа таковымъ способомъ).** Но в процессе развития языка и устойчивые словосочетания подверглись некоторым изменениям — часть их вышла из употребления, часть изменила свое лексическое значение, появились новые устойчивые словосочетания. Все это свидетельствует о беспрерывной динамике грамматических категорий в грамматическом строе всех жанров украинского языка.

Как на прогрессивно развивающееся в украинском языке явление в диссертации обращается внимание на употребление в исследуемых памятниках творительного предикативного вместо старого именительного падежа в предикативной функции. **(А коли, Б(ог)ъ дасть, стану митрополитомъ...** Роз. 30). Причем если в памятниках XIV—XV вв. наблюдаются только единичные примеры творительного предикативного (в грамотах XIV в. встретился только один пример), то в памятниках XVI—XVII вв. сфера употребления творительного предикативного интенсивно расширяется. Относительно обусловленности употребления именительного и творительного предикативного некоторые наши лингвисты стоят на разных точках зрения. (Сравн. А. М. Пешковский и Л. А. Булаховский). Мы считаем, что писцы исследуемых памятников не придерживались какой-либо строгой последовательности в употреблении именительного и творительного предикативного. Сравн.: **наш племеньни(к) бекбула(т)ъ и хо(ч)жа меминъ оучинилсА намъ ворогъ.** Роз. 26. и **А коли Б(ог)ъ дасть, стану митрополитомъ...** Роз. 30. И в первом и во втором случае указывается на непостоянный признак предмета.

Вместе с тем в памятниках XVI в. встречаются конструкции с существительным в творительном предикативном переходного характера, которые уже в XVII в. почти вышли из употребления (встретился только один пример), а в современном украинском языке заменены сложноподчиненными предложениями. В состав таких словосочетаний входили два глагола — один в форме действительного залога, другой — в форме инфинитива, употребляемого в функции связки: **а мы разумели их быти татарами.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 8; **поведил быти владыки его милости Луцкого слугою.**

В **третьей** главе исследуются предложные глагольные конструкции.

В процессе исторического развития и в результате выполняемой синтаксической функции предлоги теряют свое собственное лексическое значение, но они не стали еще целиком формальными элементами языка и сохраняют некоторую долю смыслового различия, от чего в значительной степени зависит значение всего предложного словосочетания. Употребляясь с различными падежами, один и тот же предлог может сообщать словосочетаниям разнообразные значения и оттенки.

В исследуемых памятниках наблюдается наибольшая семантическая разнообразность родительного падежа с предлогами.

Общее развитие грамматического строя украинского языка отразилось, безусловно, и на развитии предложных конструкций с существительным в родительном падеже. Как на наиболее яркое проявление развития новых грамматических элементов в диссертации указывается на употребление предлога ДО с родительным падежом управляемым глаголами движения. В грамотах XIV в. словосочетания с глаголами движения, выражающие достижение объекта посредством предлога ДО и родительным падежом, встречаются лишь в единичных случаях: **которыи торговець пойдеть торговать ис торунА через берестие до лучьска.** Роз. 1. В грамотах XV в. такие словосочетания не встречаются. Значение достижения объекта передавалось дательным падежом с предлогом К. Но начиная с XVI в., круг употребления родительного с предлогом ДО все более расширяется, постепенно вытесняя дательный с предлогом К. На протяжении всего этого периода наблюдается стремление к унификации форм выражения, которое завершилось в украинском языке преобладанием формы родительного падежа с предлогом ДО. Характерно, что аналогичный процесс совершался и в русском языке, но не так интенсивно, чем и объясняется параллельное употребление дательного с предлогом К и родительного с предлогом ДО.

Как на характерную особенность управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. в диссертации указывается на широкое употребление родительного падежа с предлогами ОТЪ, ЧЕРЕЗЪ, ПРЕЗЪ, выражающего отношение к действующему предмету или к оружию в пассивных оборотах речи **(отъ коней земля зъ снегомъ змешана; волы и овцы и кобылы побраны черезъ наших козаковъ).** Хронологически словосочетания этого типа фиксируются неравномерно. В памятниках XIV—XV вв. они представляют единичные примеры, в памятниках XVI—XVII вв. они употребляемы чрезвычайно широко. Причем предлоги ОТЪ, ЧЕРЕЗЪ и ПРЕЗЪ, очевидно, под влиянием польского языка, часто употреблялись не только при пассивных

причастиях, но и при действительных и возвратных глаголах (**оповедалъ кривду, которая ся деет отъ людей своволныхъ.** Арх. ЮЗР, ч. III, 122). Мы считаем, что это обусловило сохранение таких конструкций довольно длительное время — до начала XX в., несмотря на очевидную двусмысленность их уже в XVI—XVII вв. Она же была впоследствии причиной замены родительного с предлогами ОТЪ, ЧЕРЕЗЪ, ПРЕЗЪ творительным падежом без предлога как прямым выразителем орудия или действующего лица.

Из наиболее ярко развивающихся элементов украинского языка в работе отмечается употребление родительного падежа с предлогом КОЛО. Довольно часто словосочетания с предлогом КОЛО начинают употребляться в памятниках XVI и особенно XVII в. Еще чаще они употребляемы в современном украинском языке. Но на протяжении всего этого времени существительное КОЛО не потеряло полностью своего лексико-грамматического значения и не перешло совершенно в разряд предлогов. Это свидетельствует о чрезвычайно длительном времени, необходимом для перехода одной части речи в другую.

Одной из характерных особенностей управления в исследуемых памятниках, не свойственной управлению в современном украинском языке, является употребление дательного падежа с предлогами. Дательный падеж сочетался с двумя предлогами — К(КУ) и ПРОТИВ (ПРОТИВУ, ПРОТИВКО). Круг значений, выражаемых дательным падежом с предлогами, был неширокий: им выражались объектные, целевые и отношения образа действий. Наиболее распространены были словосочетания с предлогом К при глаголах движения, достижения, принадлежности и некоторыми другими (**к володимерю отступаютьсѧ...** Роз. 7; **тую бабу... выпроводилъ ажъ к Решетиловцы.** АП, т. I, 10). Впоследствии дательный с предлогом К вытесняется родительным с предлогом ДО или же заменяется дательным беспредложным (**належати йому**).

Вследствие унификации форм выражения родительным падежом с предлогом ПРОТИ впоследствии заменился дательный падеж, употребляемый в исследуемых памятниках с предлогом ПРОТИВ и его вариантами (**противу, противко, напротивко**), управляемый главным образом непереходными глаголами (**а противу имъ никды не быти.** Роз. 27).

Старые беспредложные конструкции при глаголах движения типа **ити Кыѣву** в исследуемых памятниках не встречаются.

Винительный падеж в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII в.в. употреблялся со многими предлогами, выражая различные значения. Структура и значения глагольных словосочетаний с существительным в винительном падеже с

предлогами в исследуемых памятниках в основном совпадают со структурой и значением в современном украинском литературном языке. Но вместе с тем прослеживаются и некоторые отличия, являющиеся следствием дальнейшего усовершенствования грамматического строя языка.

Отличием от современного украинского языка есть употребление винительного падежа с различными предлогами как формы выражения отношения к действующему лицу или орудию в пассивных оборотах. (**Приведенъ былъ пред нас... прибыш, пойманый през Антониху...** АП, т. I, 38; **границы... положоные и вечне заприсежоные через твои и наши продки.** Л. М. т. II, 22). В современном украинском языке конструкции такого типа заменены творительным беспредложным, так как он ярке выражает отношение к действующему лицу или к орудию.

Отличительной чертой управления в исследуемых памятниках является несоответствие предлогов префиксам управляющих глаголов: при префиксальных глаголах со значением внутренности употреблялись предлоги со значением поверхности **(кто коли на сесь нашъ листъ оусмотрит.** Роз. 78).

Различие в структуре и значении некоторых словосочетаний зависит и от изменений в словарном составе языка (выпадение из словарного состава отдельных глаголов или уменьшения их лексико-грамматического значения). Так, неупотребительными в современном украинском литературном языке оказались словосочетания типа **а про ієго вьрную службу дали ієсмы ієму поле.** Роз. 12; **помагати мнѣ на моѣ неприѦтелѣ.** Роз. 7; **смелъ над волю твою... учинити.** Л. М., т. I, 42 и проч. Это свидетельствует о том, что изменения в словарном составе языка отражаются и на изменениях в грамматическом строе языка.

В диссертации обращается внимание на чрезвычайно распространенное употребление предлога О (ОБ) с винительным падежом объекта, управляемым глаголами речи, мысли, внутреннего состояния, физического действия и др. **(просили королѦ о границю...** Роз. 37; а **не имеютсѦ юже о то никды оупоминати.** Роз. 51, **его о смерть приправил**).

Винительный объекта с предлогом О (ОБ) довольно часто фиксируется еще в памятниках XVII в. Вытеснение предлога О (ОБ) и замена его предлогами ПРО и В в различных диалектах современного украинского языка наблюдается неравномерная. В восточноукраинских говорах предлог О вытеснен полностью и сохранился лишь в незначительной части словосочетаний с глаголами физического воздействия **(вдарити лихом об землю, спіткнутися об камінь).** В западноукраинских говорах предлог О широко

употребляется еще в литературной речи, напр., у И. Франко: **декуди питали о пашпорти...** Борислав сміється, XIV;

Беспредложные конструкции с глаголами движения, направленного на объект или внутрь объекта типа **Глѣб же вниде Черниговъ.** Лавр. в исследуемых памятниках уже не фиксируются.

Наблюдения над глагольными словосочетаниями, в состав которых входят существительные в творительном падеже с предлогами, зафиксированные в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв., позволяют считать, что они наиболее полно по сравнению с другими словосочетаниями сохранили свою структуру и значение в современном украинском литературном языке.

Одной из наиболее ярких отличительных черт управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. было наличие местного и изъяснительного (предложного) падежей. Местный падеж, управляемый различными глаголами, мог выражать различные отношения — пространственные, временные, объектные, образа действия, причины (**у нѣмецкихь правѣхь сѣдѧть на ланех.** Роз. 18, **на свитаню... пошли прочь.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 8; **ускаржался... в том способѣ.** АП, т. I, 143 и т. п.). С изъяснительным падежом сочетались только глаголы речи, мысли, изъяснения, и выражались им только объектные отношения. Но, начиная с середины XVII в., наблюдается постепенное вытеснение изъяснительного падежа винительным падежом с предлогом ПРО как наиболее ярким выразителем объектных отношений. Вследствие этого в украинском национальном языке изъяснительный падеж оказался неупотребительным и более рельефно вырисовался современный украинский местный падеж.

В отличие от древнерусского языка местный падеж с пространственным и временным значением в исследуемых памятниках фиксируется только с предлогами, если не учитывать единичных уже застывших в форме местного падежа, адвербиализованных слов с пространственным значением (горѣ, верху) — **учинили границю... а горѣ рѣкою до устьѧ туричеи.** Роз. 37. **следъ той... загублен верху чамарина яру.** АП., т. I, 187. Но сравнение с другими украинскими памятниками того периода и с диалектной речью периода украинского национального языка показывает, что беспредложный местный падеж с временным значением существовал в языке украинской народности и в диалектной речи украинского национального языка, хотя и подвергся значительной адвербиализации **солнце лѣтѣ над нами** близко. Луцк, 30; **Зимі будеш дрива везти).**

Для украинских памятников деловой письменности XIV—

XVII вв. было свойственно параллельное употребление форм дательного и местного падежей во множественном числе с предлогом ПО в объектно-пространственном значении: **а по старимъ дорогамъ гостем пои̯ти куда хочеть.** Роз. 7 и — **по обохъ сторонахъ тое реки землѦ лежачаѦ.** Роз. 93. Аналогичное явление наблюдается и в русском языке того времени. Но стремление к унификации форм выражения приводит в украинском литературном языке к полному вытеснению форм дательного падежа, а в русском языке — к полному вытеснению форм местного падежа. Таким образом, один и тот же процесс даже в родственных языках завершается по разному, чем и создается специфика развития грамматического строя каждого отдельного языка.

В диссертации обращено внимание и на такую характерную черту управления в исследуемых памятниках, как повторение предлогов. Повторение предлогов наблюдается трояного характера: а) при однородных дополнениях; б) при приложении и определении; в) дублирование предлогов. Первые две группы отличаются только функцией управляемых слов в предложении. Третья группа носит специфический структурный характер. Наиболее часто повторение предлогов при однородных дополнениях наблюдается в документах, содержащих перечисление объектов передачи, купли, продажи, обозначение границ владений и т. п. **(а далъ ѥсмъ ѥму... ѣако из вѣка слуша к тои пустынѣ... и землею и с лѣсы и з дубровы̆ми и сѣножатми и с рѣками и з болоты и с ловищи и со всѣми оужитки.** Роз. 12).

Повторение предлогов при однородных дополнениях в исследуемых памятниках употребляется с целью максимальной точности перечисления предметов и является уже (особенно в XVI—XVII вв.) больше наследием книжной традиции, нежели следствием более конкретного мышления, как в древнерусском языке [1]. Об этом свидетельствует заметное отклонение от традиции, наблюдающееся в памятниках XVII в. Так, если в грамотах XV в. встречается одновременное употребление 32 дополнений с 32 предлогами СЪ (3), то в аналогичном отрывке XVII в. при 19 дополнениях предлог СЪ (3) употребляется только 8 раз и то в первой части отрывка.

Повторение предлогов при приложении и определении выполняло аналогичные функции уточнения, придавая словосочетанию большую убедительность (дорога идеть... до рѢки до свѣчи. Роз. 45; в мѣстѣ в Полтави Процик купил. А. П., т. I, 64).

Дублирование предлогов не зависело ни от синтаксической

[1] См. П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. Краткий курс, Учпедгиз, М., 1952 г., стр. 269.

структуры словосочетания, ни от необходимости в уточнении. Оно диктовалось некоторыми требованиями фонетического порядка — главным образом, избежанием стечения гласных или согласных: **не у въ одно слово ся згожають.** Л. М., т. II, 11, **у въ Антона.** Арх. ЮЗР, ч. III, т. I, 63. Но наблюдаются и отклонения от этого правила: **а сходячи з с того свѣта...** АП, т. II, 120.

В **заключении** подводится общий итог, в котором на основании исследования приглагольного управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв., диссертант приходит к ряду общих выводов.

1. Анализ приглагольного управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. и сопоставление его, с одной стороны, с управлением в древнерусских памятниках и, с другой стороны, в современном украинском литературном языке свидетельствует о том, что преобладающее большинство приглагольных конструкций, построенных по способу управления, которые существовали еще в древнерусском языке, сохранились и до настоящего времени, не подвергаясь каким-либо изменениям на протяжении всего развития украинского языка. Это является яркой аргументацией к положению об устойчивости синтаксической системы украинского языка, которая сообщается прежде всего устойчивостью отдельных элементов синтаксической системы.

2. Древнерусские предложные и беспредложные конструкции, с одной стороны, сузили сферу своего употребления, и, с другой стороны, заметно расширение малоупотребительных в древнерусском языке конструкций. Сужение сферы употребления конструкций одного типа и расширение в исследуемых документах конструкций иного типа свидетельствуют о непрерывных, хотя и постепенных, изменениях в управлении, обусловленных развитием и усовершенствованием грамматического строя украинского языка.

3. Анализ приглагольного управления в исследуемых памятниках свидетельствует о постепенном формировании отдельных синтаксических черт украинского языка на основе древнерусской синтаксической системы. Причем развитие многих приглагольных конструкций в украинском языке осуществлялось параллельно с развитием аналогичных конструкций в русском языке. Это свидетельствует о том, что в период XIV—XVII вв. существовал ряд общих синтаксических закономерностей для русского и украинского языка.

4. В исследуемых документах констатируются также приглагольные конструкции, свойственные польскому языку. Однако, эти конструкции уже в начале XVIII в. вышли из употребления, так как они не были органически усвоены украинским языком.

5. В языке украинской народности наблюдается еще немало синтаксических черт, несвойственных современному украинскому литературному языку, чем синтаксическая система языка украинской народности в некоторой степени отличается от синтаксической системы современного украинского литературного языка.

6. Рядом с наличными уже в то время синтаксическими чертами в языке украинской народности зарождаются и развиваются новые синтаксические черты, ставшие впоследствии характерными для украинского национального языка.

7. Анализ приглагольного управления в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. в сравнении с нормами современного украинского литературного языка свидетельствует о непрерывном усовершенствовании грамматической системы украинского языка, которое проявляется в различных формах: в отмирании одних способов выражения и зарождении других способов во избежание двусмысленности конструкций и т. д. Но суть всех способов усовершенствования грамматической системы — наиболее точно передать мысль в наиболее четкой и стройной форме выражения. Современный украинский литературный язык отличается от языка украинской народности не каким-то иным, в корне отличным грамматическим строем, а более усовершенствованной системой грамматических форм.

8. В управлении определенную роль играет изменение в лексическом составе языка. Выпадение отдельных слов из словарного состава, пополнение его новыми словами, изменение семантики слов отразилось и на управлении.

Содержание темы диссертации опубликовано в следующих работах:

1. Із спостережень над керуванням давальним відмінком в українських пам'ятках ділового письменства XIV—XVII ст.ст. Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту ім. К. Д. Ушинського, т. XVIII, 1957 р.

2. До питання про керування орудним відмінком у мові української народності (на матеріалах українських пам'яток ділового письменства XIV—XVII ст.ст.). Наукові записки Ізмаїльського державного педагогічного інституту, вип. I, 1958 р.

3. З історії керування місцевим відмінком в українській мові. Журн. Українська мова в школі, № 6, 1958 р.

БФ 12270. 4.V.59. Объем 1,25 печ. л. Тип. КГПИ. Франко, 44. Зак. 336—150.